

В. А. ТВАРДОВСКАЯ
ХУДОЖНИК И ДИКТАТОР
(Достоевский и Лорис-Меликов)

Исследователи Достоевского не обходили вниманием проблему его отношения к власти, однако оценка писателем идей и действий конкретных ее представителей самостоятельной темой, как правило, не становилась. Не рассматривалось специально в литературе и отношении Достоевского к правлению Лорис-Меликова, диктатура которого пришлось на последний год жизни писателя. В недавно изданной мною в соавторстве с Б. С. Итенбергом книге, где опубликован большой комплекс документов о Лорис-Меликове, Достоевский, к сожалению, представлен совсем бегло — несколькими цитатами.¹ А сопоставить этих современников в их отношении к главным проблемам страны представляется интересным и плодотворным: это несомненно поможет более глубокому постижению жизненной позиции и художника, и диктатора.

Граф М. Т. Лорис-Меликов — фигура столь значительная и яркая, что не привлечь такого внимательного наблюдателя и исследователя русской жизни, как Достоевский, разумеется, не могла. Великий писатель был почти ровесником этого победоносного военачальника, крупного государственного деятеля и реформатора: Достоевский родился в конце 1821 г., Лорис-Меликов — в конце 1824 г. Судьбы их изначально складывались по-разному, а их жизни долгое время протекали в параллельных мирах, когда они и знать ничего не могли о существовании друг друга, хотя оба рано стали известны каждый в своей среде — один в литературной, другой в военной.

Достоевский, окончив Главное инженерное училище в чине инженер-поручика в 1843 г., уже в 1844 г. вышел в отставку, решив посвятить себя литературе. Он заявил себя как писатель быстро и убедительно: первое его произведение — роман «Бедные люди» (1845) — было, как известно, восторженно принято В. Г. Белинским и Н. А. Некрасовым. Лорис-Меликов, выпущенный из училища юнкеров в 1843 г., недолго прослужив в Гродненском лейб-гусарском

¹ Итенберг Б. С., Твардовская В. А. Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. См. Указатель имен.

полку, в 1847 г. получил назначение на Кавказ. Молодой поручик мечтал не только «о подвигах, о доблестях, о славе», но и об успешной карьере. Михаил Лорис-Меликов самоотверженно сражается с горцами в Малой и Большой Чечне, в Дагестане, не раз глядя в глаза смерти и теряя товарищей по оружию. Его отвагу и способности отмечает начальство, а боевые подвиги занесены в послужной список. Именно ему, уже ротмистру, в 1851 г. поручили охрану Хаджи-Мурата, перешедшего на сторону русских.²

А Достоевский в конце 1840-х гг. все больше задумывается о противоречиях русской жизни, о тех, кто в ней беден, унижен и оскорблен самими условиями действительности. Увлекается социалистическими идеями западных мыслителей, обсуждая их в кружке петрашевцев. Разгром кружка, арест, смертный приговор, отмененный в последнюю минуту, заставивший пережить собственную смерть во всей реальности, годы, проведенные в Мертвом доме (Омском остроге) и последующая ссылка рядовым в Семипалатинск — все это вместились в пятилетие жизни писателя (1849—1854), оборвавшее его связи с родными, друзьями, читателями, литературной средой.

В то время как Достоевский нес фронтovou службу рядовым Сибирского линейного батальона, Лорис-Меликов участвовал в Крымской войне, вступив в нее полковником, а закончив генерал-майором. Его успешные военные действия на Кавказском фронте в районе Карса способствовали взятию этой крепости и подготовили наступление Кавказского корпуса, в который входил его отряд «охотников», состоявший из русских, армян, грузин, жителей мусульманских провинций. После захвата Карского пашалыка, ставшего Карской областью, ее начальником был назначен Лорис-Меликов, обнаруживший незаурядные административные и хозяйственные способности по управлению краем.

Достоевский и в Инженерном училище военными занятиями тяготился, а после каторги, со своим подорванным здоровьем, через силу тянул солдатскую лямку, мечтая в сибирской ссылке о переводе на Кавказ, который «все-таки Россия» (28₁, 172). В письмах к брату Михаилу признавался, что оказаться на Кавказе — его «пламенное желание» и умолял: «...хлопочи за меня, проси кого-нибудь». Он сообщал, что В. А. Головинский, товарищ по кружку петрашевцев, уже давно на Кавказе (28₁, 172, 174). Однако самому Федору Михайловичу попасть туда не пришлось.

По выходе из острога, Достоевский, по его свидетельству, начал читать все без него написанное (26, 66). Прочел и «Севастопольские рассказы» Л. Толстого, и, по-видимому, многое другое о Крымской войне. Война эта обратила мысли писателя к одному из главных во-

² См.: Послужной список М. Т. Лорис-Меликова, опубликованный там же.

просов внешней политики империи — восточному, внимание к которому с тех пор его уже не оставляло. С ним Достоевский связывал роль России среди славянских народов, ее освободительную и объединительную миссию в Европе. В середине 70-х гг. тема «Россия и славянство» возникнет в публицистике писателя с особой силой и остротой. Можно предположить, что именно тогда Достоевский и Лорис-Меликов заинтересовались друг другом.

Как только на Балканах началось восстание славян против турецкого ига, вопрос о возможности войны с Турцией оказался на повестке дня, в печати заговорили о необходимости «энергического вмешательства» в балканские события, поскольку на Балканах затронуты «кровные интересы» России. И консерваторы, и либералы достаточно единодушно выступали за помощь братьям-славянам, не скрывая политических (говоря современным языком геополитических) целей этой помощи. Ставился вопрос о завоевании выхода в Средиземное море («ни одна великая держава не может существовать без морских путей») и доказывалось, что в случае подавления восстания и окончательного порабощения славян турками кончится и роль России в Европе как великой державы, поскольку Россия — держава славянская.³ Голос Достоевского в общем хоре не затерялся — у писателя была своя позиция в восточном вопросе. Он подчеркивал нравственное значение русской помощи славянам, обосновывая роль России как религиозно-нравственного центра объединения славянства, способного обновить Европу.

Хотя имя Достоевского уже в 60-е гг. было, что называется, «на слуху», как одного из самых востребованных писателей, остается неизвестным был ли среди его читателей генерал-адъютант Лорис-Меликов. Но в преддверии русско-турецкой войны за публицисткой он, по-видимому, следил: слишком касались ее проблемы его как человека военного. Во всяком случае тесно общавшемуся с ним в 1877 г. Н. Я. Николадзе (корреспонденту «Голоса» и тифлисского «Обзора»), который пытался изложить генералу дискуссии в печати накануне войны, Михаил Тариелович дал понять, что он с ними знаком.⁴ Генерал-адъютанту Лорис-Меликову великодержавная позиция в решении восточного вопроса была ближе и понятнее, чем рассуждения Достоевского в «Дневнике писателя», в которых при всей их великодержавности акцент делался на нравственной значимости поддержки славянского дела.

³ Градовский А. Д. 1) За славян: (К русскому обществу) // Голос. 1876. 1 июля; 2) Россия и славяне // Там же. 17 июля; Московские ведомости. 1876. 23 ноября. Передовая; Там же. 1877. 5 янв. Передовая.

⁴ Николадзе Н. Я. Из воспоминаний о гр. М. Т. Лорис-Меликове // Новое обозрение. Тифлис, 1889. 8 янв. См.: Итенберг Б. С., Твардовская В. А. Граф М. Т. Лорис-Меликов... С. 299.

А сам Достоевский, с началом войны пристально и пристрастно следивший за ее событиями, уже не мог не узнать о роли в них Лорис-Меликова. Он воевал на Кавказском фронте, Главнокомандующим которого числился великий князь Михаил Николаевич. Статус главнокомандующего был чисто номинальным для Михаила Николаевича: он еще до начала войны дал «полную самостоятельность» Лорис-Меликову в «боевых операциях вверенных ему войск». ⁵ Великий князь учитывал тридцатилетний военный опыт Лорис-Меликова на Кавказе, его заслуги в Крымской войне, его успехи в замирении Чечни и Дагестана в 60-е гг. Прибыв к войскам с началом войны, Михаил Николаевич своим приказом оставлял по-прежнему «все распоряжения и действия на командира Корпуса». Отсутствие приказа Главнокомандующего о собственном вступлении «в непосредственное командование и распоряжение войсками» Лорис-Меликов считал уходом великого князя от ответственности. В сложившихся условиях своеобразного двоеначалия успехи Главнокомандующий приписывал себе, а неудачу сваливал «прямо на ответственного Корпусного командира». ⁶

При неудачах русских на Балканах, где Главнокомандующим был великий князь Николай Николаевич, особое значение, как и особый резонанс в обществе обретали успешные действия на Кавказском фронте: взятие Баязета при переходе через границу, победоносный штурм Ардагана, разгром турок на Аладжинских высотах и в сражении на Деве-Бойну, взятие штурмом неприступной крепости Карс. Самые подробные сообщения об этих победах были в газетах, которые привлекали внимание Достоевского: в «Московских ведомостях», где корреспондентом Кавказского фронта был князь В. П. Мещерский, в «Голосе» (корреспонденции Г. К. Градовского), в «Новом времени». В этих сообщениях о победах, как совершенных «под предводительством великого князя Михаила Николаевича, Главнокомандующего», всплывало и имя Лорис-Меликова: то как автора плана штурма, то в связи с благодарностью вынесенной ему великим князем.

В октябрьском «Дневнике писателя» за 1877 г. Достоевский ссылается и на «большую победу в Азии» (26, 44), имея в виду последнее сражение на Кавказском фронте. Комментаторы объясняют, что речь идет о разгроме армии Мухтар-паши при Авлиаре, однако русского победителя, как и Достоевский, не называют. Можно предположить, что причиной этого умолчания для писателя могло

⁵ *Кшишнев С. С.* Война в Турецкой Армении 1877—1878 гг. СПб., 1884. С. 3.

⁶ Письмо М. Т. Лорис-Меликова Н. А. Белоголовому 20 октября 1886 г. (ОР РГБ, ф. Н. А. Белоголового, п. 6, д. 14—21, л. 18). См.: *Итенберг Б. С., Твардовская В. А.* Граф М. Т. Лорис-Меликов... С. 335.

послужить упомянутое «двоеначалие», сложившее на Кавказском фронте. В «верхах» и в обществе постепенно утвердилось мнение, что брат царя Михаил Николаевич «номинально командовал армией, которая сражалась с турками, в действительности же этой армией... командовал Лорис-Меликов».⁷ Сам Михаил Николаевич в письме к Александру II 25 июня 1877 г. откровенно определял свою роль на фронте как «пассивную».⁸

О реальной расстановке сил на Кавказском фронте Достоевский мог знать от В. П. Мещерского (в своих корреспонденциях всегда называвшего Корпусного командующего Лорис-Меликова), от М. Н. Каткова (его газета «Московские ведомости» имела в 1877—1878 гг. нескольких военных корреспондентов), от К. П. Победоносцева. Этот последний был настолько обстоятельно осведомлен о происходящем на войне, что о многом информировал цесаревича, возглавлявшего Рушукский отряд, находившийся в самом спокойном месте Балканского фронта.⁹ Адьютант наследника Александра Александровича С. Д. Шереметев писал Победоносцеву 21 июля 1877 г. как о факте неопровержимом, что «на Кавказе Михаил Николаевич уже доказал свою неспособность».¹⁰ Однако ритуальные упоминания Главнокомандующего при победах были столь же обязательны, как умолчание о нем при поражениях. Не потому ли Достоевский воздержался назвать того, кто обеспечил «большую победу» при Авлиаре?

В том же октябрьском «Дневнике писателя» за 1877 г., рассуждая о неудачах русской армии на Балканах, он объясняет их просчетом, явившимся следствием новшеств в военном деле, еще не испытанных в предшествующих войнах. Новейшее оружие усиливало сидящих в осаде в несколько раз более, чем осаждающих, создавая «чрезмерность перевеса» силы обороны перед силой атаки (26, 44). Русские, по наблюдению писателя, будучи всегда сильны в нападении, столкнулись с ситуацией, когда турки в своих крепостях, хорошо оснащенных с помощью англичан, оказывались неуязвимыми для нападающих. Это же наблюдение было сделано и Лорис-Меликовым в ходе военной практики. Как итог опыта русско-турецкой войны, оно позднее будет зафиксировано всеми исследователями русско-турецкой войны 1877—1878 гг. без какой-либо ссылки на Достоевского, едва ли не первым высказавшимся в литературе об особенностях той войны.

Свои заключения Достоевский делал на основе сражений на Балканах, где трижды предпринимавшийся, но безуспешный штурм

⁷ *Bumte* С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 41.

⁸ ГАРФ, ф. Александра II, д. 808, л. 28 об.

⁹ Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 81—87.

¹⁰ Российский архив. М., 1999. Т. 9. С. 295—296.

Плевны заставил русских перейти к длительной осаде. Тем больше внимание писателя должен был привлечь Кавказский фронт, опыт которого, казалось бы, опровергал его наблюдения. Именно здесь по разработанным Лорис-Меликовым планам, под его командованием пали признававшиеся неприступными крепости турок.

Русская армия, по словам писателя, «по старинной вековой привычке усвоила себе атаку рьяным напором, грудью, всем вместе товариществом, обращаясь из тысяч вдруг как бы в одно существо» (26, 42). Эта характеристика русского воинства, кажется сделанной под впечатлением штурма Ардагана в мае и предвосхищает беспрецедентный штурм Карса в ноябре 1877 г. — классический русский штурм. Не случайно отмеченные писателем черты русского солдата: «самоотверженная дисциплина», «полное самопожертвование», «силой энергии, стойкости и напора» (26, 40), перекликаются с «большими достоинствами», признаваемыми Лорис-Меликовым.¹¹

Карс, считавшийся едва ли не самой неприступной крепостью в мире, был взят ночью в полнолуние с минимальными потерями. «План штурма со всеми диспозициями составлял Лорис-Меликов», — сообщал В. П. Мещерский, заметив, что гениальность этого плана еще «нельзя достаточно оценить».¹²

* * *

Лорис-Меликова стали именовать в печати «героем Карса». Возведенный по окончании войны в графское достоинство, он вскоре к этому титулу прибавил новый: «усмиритель чумы». Не успев подлечить сильно подорванное войной здоровье, новоявленный граф в январе 1879 г. был отправлен в Поволжье на ликвидацию эпидемии этой опасной болезни. На посту астраханского генерал-губернатора, которому подчинялись губернаторы Саратовской, Самарской, Ставропольской и начальники сопредельных областей, Лорис-Меликов в кратчайшие сроки сумел успешно организовать работу по искоренению чумы. Он оставил после себя телеграф, соединявший Царицын и Астрахань с Петербургом, шоссейные дороги, мощные улицы. Не все из запланированного по «санации» края он успел завершить: срок его пребывания в Поволжье оказался сокращен в связи с новым покушением на царя. 2 апреля народник А. К. Соловьев, участник саратовского поселения, близкого к «Земле и воле», стрелял в Александра II. «Пропагаторы», по словам Достоевского, превращались в револьверщики. В пяти

¹¹ Ср.: Приказ генерал-адъютанта Лорис-Меликова по войскам действующего корпуса от 28 февраля 1878 г. (см.: *Итенберг Б. С., Твардовская В. А.* Граф М. Т. Лорис-Меликов... С. 326—327).

¹² Московские ведомости. 1877. 18 и 22 дек.

губерниях, где революционное движение было особенно ошутимо (Петербургской, Московской, Киевской, Одесской, Харьковской), было введено военное положение. Лорис-Меликов получает назначение на пост харьковского генерал-губернатора.

И здесь он по-своему оправдал и расчет на него власти, и надежды общества. Усиливая местную полицию и жандармерию, твердой рукой подавляя крамолу, он попытался наладить отношения местной администрации с земством, много сделал для улучшения хозяйственной и культурной жизни губернии. При нем, в частности, был пущен в Харькове водопровод, увеличилась площадь мощеных улиц, открыта женская гимназия и Технологический институт. Лорис-Меликов поддержал создание ряда уездных и сельских библиотек. Либеральная печать выделяла Лорис-Меликова среди одновременно с ним назначенных генерал-губернаторов — Э. И. Тотлебена (в Одессе), М. И. Черткова (в Киеве), И. В. Гурко (в Петербурге), с похвалой отмечалось, что широкими полномочиями в крае на военном положении Лорис-Меликов в отличие от них пользуется разумно и умеренно. В местной харьковской прессе эти похвалы раздавались в адрес графа от представителей дворянства, купечества и местного самоуправления — городского и земского. Но и в конфиденциальном донесении начальника Харьковского жандармского управления сообщалось о «сочувственном расположении» к генерал-губернатору в самых разных слоях.¹³

О популярности Лорис-Меликова на посту генерал-губернатора Достоевский мог узнать не только из столичных газет, но и от своих харьковских корреспондентов. Писательница и педагог Христина Даниловна Алчевская переписывалась с ним с середины 70-х гг. Возможно, что ее письмо 1879 г. (адресованное А. Г. Достоевской) было не единственным в год генерал-губернаторства Лорис-Меликова.¹⁴

На этом посту граф оставался менее года. После взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г., организованном народовольцами, он был назначен главой Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Можно полагать, что к моменту этого назначения Достоевский имел о Лорис-Меликове свои вполне сложившиеся представления, имея в виду его не совсем обычный путь к вершине власти. Думается, можно доверять свидетельству А. С. Суворина, что писатель возлагал на Лорис-Меликова определенные надежды. Симптоматично, что, обсуждая учреждение диктатуры, Достоевский задавался вопросом не столько о самом диктаторе, сколько о его возможных соратниках:

¹³ ГАРФ, ф. III отд. (109), секретный архив, оп. 1, д. 163, л. 3—4.

¹⁴ Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 474.

«Хорошими ли людьми окружает себя Лорис-Меликов, хороших ли людей пошлет он в провинцию...».¹⁵

В день подписания Александром II Указа об учреждении Верховной распорядительной комиссии — 12 февраля — Достоевский провел вечер у Ю. Ф. Абазы, где среди других гостей присутствовал К. К. Романов, с которым писатель был лично знаком с 1878 г. Как и его отец, великий князь Константин Николаевич, он одобрял деятельность графа в Харькове.¹⁶ Вполне возможно, что разговор в тот вечер касался и самой животрепещущей новости, быстро распространившейся в дворцовых кругах, — назначения Лорис-Меликова на новый высокий пост и его чрезвычайных полномочий.

А полномочия начальнику Верховной распорядительной комиссии давались огромные, по сути диктаторские. Все его требования подлежали немедленному исполнению как местным начальством, генерал-губернаторами, губернаторами и градоначальниками, так и всеми ведомствами, не исключая военного. Лорис-Меликову, согласно указу, предоставлялось принимать все меры, которые он признает необходимыми для охранения государственного порядка. Они, по словам указа, «подлежат безусловному выполнению всеми и каждым и могут быть отменены только им самим или особым Высочайшим повелением».¹⁷

Учреждение Верховной распорядительной комиссии во главе с Лорис-Меликовым произвело на писателя, по-видимому, не менее сильное впечатление, чем сам взрыв в Зимнем дворце. Он обсуждает его, как и одновременно опубликованное обращение Лорис-Меликова «К жителям столицы», с самыми разными людьми. Судя по дневниковой записи С. И. Смирновой-Сазоновой, посетившей 15 февраля Достоевского, их разговор касался намерения начальника Распорядительной комиссии «ловить революционеров»,¹⁸ т. е. непосредственной цели комиссии, обозначенной в Указе как борьба с «дерзкими злоумышленниками», стремящимися «поколебать в России государственный и общественный порядок».¹⁹

Обсуждалось в тот день и обращение вновь назначенного диктатора «К жителям столицы». Достоевский читал его самым внимательным образом, поскольку профессионально отметил, что оно «плохо отредактировано». Предостерегая общество от «преувеличенных и поспешных ожиданий», новый правитель обещал «не

¹⁵ *Незнакомец (Суворин А. С.). Недельные очерки и картинки: О покойном // Новое время. 1881. 1 февр.*

¹⁶ *К. Р. (Великий князь Константин Романов). Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 59.*

¹⁷ *Правительственный вестник. 1880. 15 февр.*

¹⁸ *Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 275.*

¹⁹ *Правительственный вестник. 1880. 15 февр.*

останавливаться ни пред какими строгими мерами для наказания преступных действий», «успокоить и оградить законные интересы» здравомыслящей части общества.²⁰ Не случайно, по-видимому, Достоевский заговорил о Петре: тема реформ естественно возникла в беседе о правительственном курсе, который будет принят Лорис-Меликовым.²¹

А. С. Суворин вспоминал, что покушение на диктатора, совершенное 20 февраля И. О. Млодецким, смутило писателя. Он, по словам издателя «Нового времени», «боялся реакции». «Сохрани Боже, — говорил он, — если повернут на старую дорогу».²² Из этого следует, что писатель, возлагая надежды на Лорис-Меликова, предполагал, что он будет действовать по-новому. Достоевского, судя по словам Суворина, более всего тревожило понимание диктатором причин, происходящего в стране: революционное движение не сводилось для него к действиям «кучки заговорщиков», как писал М. Н. Катков, призывая поднять против них «карающий меч государства». После покушения Млодецкого редактор «Московских ведомостей» вновь выступает за самые решительные карательные меры, заодно высказываясь против всяких обращений к обществу за содействием в борьбе с крамолой, как умаляющих авторитет власти.²³

Достоевский в действенность репрессий не верил. И в связи с учреждением диктатуры он, как рассказывает Суворин, задавался вопросом, знает ли Лорис-Меликов, «отчего все это происходит, твердо ли знает причины?». И, считая главным именно знание «причин», а не ответный террор, сердито добавлял: «Ведь у нас все злодеев хотят видеть...».²⁴

Тревога Достоевского понятна — репрессии были основным оружием самодержавия в борьбе с революционным движением. Верховная распорядительная комиссия и создавалась прежде всего как репрессивный орган для искоренения крамолы. Но ставший во главе ее Лорис-Меликов, учитывая свой генерал-губернаторский

²⁰ Там же.

²¹ Достоевский. Материалы и исследования. Т. 4. С. 275. В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (СПб., 1995. Т. 3. С. 379) ошибочно сообщается, что 15 февраля при посещении С. И. Смирновой (Сазоновой) Достоевский «обсуждает программу Верховной комиссии». Но таковой еще не было: обсуждался Указ Александра III Правительствующему Сенату и обращение Лорис-Меликова «К жителям столиц», опубликованные 15 февраля.

²² Новое время. 1881. 1 февр. В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (Т. 3. С. 381, 382) И. О. Млодецкий, на казни которого 22 февраля присутствовал Достоевский, ошибочно назван народовольцем. К организации «Народная воля» он не принадлежал и покушение предпринял самостоятельно и независимо от нее.

²³ Московские ведомости. 1880. 21 февр. Передовая.

²⁴ Новое время. 1881. 1 февр.

опыт в Поволжье и особенно в Харьковской губернии, уже понимал невозможность вывести страну из кризиса только путем «ответного террора». Этот опыт привел графа к выводу, что сила и значение карательных мер «велики только до тех пор, пока общество не успело с ними свыкнуться; продолжительное же применение этих мер, не достигая положенного в основание их спасительного устрашения, перестает оказывать ожидаемое от них полезное влияние». Посланный на усмирение революционно-народнического движения в Харьковском крае, Лорис-Меликов все более утверждался в мысли, что «преобладающее значение должно иметь не столько преследование зла, сколько его своевременное предупреждение». С этой целью он уже тогда ставил задачу «прийти в соприкосновение с местными интересами в лице их представителей» и оказывать им «требуемую обстоятельными поддержку».²⁵

Ответы на вопросы, поставленные Достоевским при его назначении, диктатор дал в первом же докладе царю. Здесь он объяснял, что для изыскания способов к восстановлению порядка прежде всего обратился «к подробному, по возможности, изучению разнородных причин, приведших нас к настоящему затруднительному положению».²⁶ Он позволил себе «с откровенностью выразить» свои мысли «до конца», заявив, что Верховная распорядительная комиссия «не может и не должна ограничиваться» мерами чисто полицейскими: «Восстановление потрясенного порядка и прочное ограждение спокойствия требуют мероприятий государственных».²⁷ Их необходимость Лорис-Меликов и доказывает в докладах Александру II.

Вопреки расчетам и ожиданиям учредителей диктатуры и сторонников крайних мер, среди которых был наследник Александр Александрович и его наставник К. П. Победоносцев, диктатор стал проводить более сложную и гибкую политику, не ограничивающуюся преследованием революционеров. Понимая невозможность бороться с ними без поддержки общества, он должен был учесть назревшие общественные потребности и по мере возможности удовлетворить их.

Достоевский внимательно следил за всеми мероприятиями диктатора, что по-своему отразилось в последних выпусках «Дневника писателя» за 1880 и 1881 г. У него кроме текущей прессы были свои источники информации о начальнике Верховной распорядительной комиссии (с августа 1880 г. — министр внутренних дел) Лорис-Меликове. Он мог узнать об идеях и действиях графа от

²⁵ Всеподданнейший отчет гр. М. Т. Лорис-Меликова по временному Харьковскому генерал-губернаторству // Итенберг Б. С., Твардовская В. А. Граф М. Т. Лорис-Меликов... С. 398.

²⁶ Всеподданнейший доклад гр. М. Т. Лорис-Меликова от 11 апреля 1880 г. // Там же. С. 433.

²⁷ Там же. С. 441.

достаточно близко с ним соприкасавшихся К. П. Победоносцева, князя В. П. Мещерского, М. Н. Каткова. Многие он мог услышать и от А. С. Суворина: ведущий публицист его газеты «Новое время» К. А. Скальковский (писавший Лорис-Меликову послание «К жителям столицы») был братом правителя канцелярии графа — А. А. Скальковского.

Во всяком случае Достоевский в своей публицистике 1880—1881 гг. обнаруживает серьезную осведомленность не только о предпринятых Лорис-Меликовым шагах, но и о его ближайших планах. Правда, слухи о них проникали и в печать, а цензурные «послабления», допущенные диктатором, позволяли намекать на ожидаемые преобразования достаточно явственно.

В «Дневнике писателя» 1881 г. можно найти и определенный обзор сделанному за год правления Лорис-Меликова, и оценку достигнутого, и альтернативу планам диктатора, выдвинутую писателем. В данной статье внимание сосредоточено именно на этом, я не касаюсь здесь других проблем многопланового и многослойного содержания последнего произведения Достоевского.

* * *

Бросается в глаза сходство в общем восприятии текущего у правителя, находящегося на высшей ступени власти, и писателя: оба они говорят о пореформенном периоде как следствии потрясения. Достоевский о «потрясенном экономически времени», Лорис-Меликов о «потрясенном порядке». У того и другого речь идет и о потрясенном общественном сознании, разброде в восприятии действительности, идейной сумятице в поисках выхода из кризиса. Лорис-Меликов докладывает царю о широком возбуждении недовольства и «раздражении общественного мнения».²⁸ Достоевский замечает, что «спокойствия в умах нет, и это во всех слоях, спокойствия в убеждениях наших, во взглядах наших, в нервах наших, в аппетитах наших» (27, 10—11).

Переживаемое страной время и государственный деятель, и писатель связывают с падением крепостного права. «Все что падает, падает всегда очень опасно, то есть с большим потрясением», замечает Достоевский, оговариваясь, что, разумеется, не пожалеет, что «мерзостный исторический грех наш упразднился разом». Но, по его словам, сокрушение крепостного права в один миг привело к «капитальному потрясению» (27, 9). Последствиями крестьянской и последующих реформ объясняет общественное потрясение и Лорис-Меликов, отводя главную роль в пореформенном неустройстве просчетам политики. Новое положение требовало для представи-

²⁸ Там же. С. 436—437.

телей власти «других знаний, других приемов деятельности, иных способностей, чем прежде. Истина эта не была достаточно усвоена и далеко не все органы власти заняли подлежащее ей место».²⁹

Достоевский главную причину великого пореформенного потрясения усматривает в положении, в котором оказалось крестьянство. «Рухнуло крепостное право, мешавшее всему, даже правильному развитию земледелия, — и вот тут-то бы, кажется, и зазвези мужику, тут-то бы, кажется, и разбогатеть ему. Ничуть не бывало: в земледелии мужик съехал прямо на минимум того, что может дать ему земля». Писатель не скрывает своих сомнений, задавая вопрос: «...найдется ли впредь такая сила..., чтоб мужик решилсь возвыситься над минимумом, который дает ему теперь земля, и попросить у ней максимума». Вопрос этот, по его мнению, «далеко не разрешенный и несравненно огромнейший, несравненно более захватывающий в себе содержания, чем предполагают его» (27, 9).

Среди тех, кто крестьянский вопрос недооценивает, Достоевский вполне мог числить и Лорис-Меликова с его политикой выхода из кризиса. Диктатор проблем пореформенной деревни вроде бы не обходил, уже в первом программном докладе обратив на них внимание царя. «Крестьянское дело, — пишет он, — после кипучей деятельности первых дней, вошло в общую колею», а «неподвижность в улучшении его слабых сторон» породила «обособленность несовершенного крестьянского управления».³⁰ Усовершенствованию его Лорис-Меликов и придавал едва ли не решающее значение для подъема деревни, что нашло отражение и в печати.

О несовершенстве крестьянского самоуправления Достоевский, разумеется, представление имел. «Газеты полны описаниями, как народ выбирает своих выборных, — в присутствии „начальства“... и что из этого происходит. Но анекдотов этих тысячи, пересчитывать не буду» (27, 17). Однако, пожалуй, на этом сходство его с диктатором в понимании деревенского неустройства заканчивалось. А именно оно в восприятии писателя являлось основой общего кризисного состояния страны, отсутствия в ней спокойствия и стабильности.

В последнем «Дневнике» Достоевский несколько нарочито изумляется сам себе, выступающему «со статьей экономической». «Неужели и я экономист, финансист?» — вопрошает он. И не без лукавства отвечает, что, поскольку все тревожатся экономическими вопросами, и ему нельзя не тревожиться: «...подумают, что не гражданин, не интересуюсь» (27, 5—6). На самом деле писатель обнаруживает весьма серьезную ориентацию в социально-экономических проблемах русской жизни, их глубокое понимание и предлагает самобытное решение. Достоевского, публициста и художника,

²⁹ «Это правда», — отметил Александр II на полях (Там же. С. 435).

³⁰ Там же. С. 436.

занимают вопросы, и следа которых нет в докладах Лорис-Меликова царю, в его записках министрам.

Достоевский обращает внимание на дисгармонию в социально-экономическом развитии страны, развернувшей мощное промышленное и железнодорожное строительство неслыханными в Европе темпами. По сути он заявляет, что индустриализация идет за счет деревни, перетянув к себе капиталы «именно тогда, когда земля их жаждала наиболее» (27, 10). Его в отличие от верховного правителя тревожит вопрос о соотношении помещичьего и крестьянского землевладения. Понимая, что первое держится за счет разорения крестьянских хозяйств («кабаком и пролетариатом»), писатель задавался вопросом: «...уживется ли оно впредь рядом с мужичьим, с определенной рабочей силой, но здоровой и твердой, а не на кабаке... основанной» (27, 10).

Лорис-Меликов едва ли не более, чем обеднением деревни, обеспокоен оскудением дворянства, значение которого «как сословия, мало поддерживаемое, постепенно ступшевуется». ³¹ Достоевский, разумеется, видел, что «прежнее барское землевладение упало и понизилось до жалкого уровня, а вместе с тем, видимо, началось перерождение всего бывшего владельческого сословия» (27, 9). В романе «Братья Карамазовы», отразившем процессы, происходившие в пореформенной России, представлены разные типы помещного дворянства и удачно вписавшиеся в капиталистическую действительность и разорившиеся, не нашедшие здесь места. ³² Достоевский-публицист прогнозирует возможные перспективы для «бывшего владельческого сословия». Одна из них — превратиться в «интеллигентный народ», что, по его же словам, можно лишь вообразить «в идеале» — «в действительности же далеко не так». Другая, оказавшаяся реальной, — «стать над народом властью <...> из самого образования своего создать новую властную и разъединительную силу и стать над народом аристократией интеллигенции, его опекающей» (27, 10).

Власть посчитала нужным поддержать дворянство именно на этом пути, предусмотренном писателем, учредив при Александре III институт земских начальников (1889). Избиравшиеся из дворян, они сосредоточили на местах судебную власть и заведование крестьянским общественным управлением. Земские начальники обладали самым широким правом налагать наказания на крестьян (в том числе и телесные). По сути помещикам компенсировалась потеря после реформы 1861 г. вотчинной власти. Достоевский, предвидя возможность такой силовой дворянско-помещичьей опеки, ошибся лишь

³¹ Там же.

³² См. подробнее: *Твардовская В. А.* Социальный кадастр пореформенной России в романе «Братья Карамазовы» // *Отечественная история.* 2002. № 1.

в ее определении как осуществляемой «аристократией интеллигенции». Земские начальники могли избираться из дворян, не имеющих высшего образования.

Не осознав крестьянского вопроса для страны приоритетным, Лорис-Меликов все-таки не смог уклониться от его решения, предложив свою программу «улучшения слабых сторон» крестьянского дела. Планировались податная реформа, снижение выкупных платежей, отмена соляного налога, пересмотр паспортной системы, облегчение крестьянских переселений в малоземельных губерниях. Напомнит он царю и о тяжести круговой поруки: эта проблема общинного уклада была тесно связана с предлагаемым им пересмотром паспортной системы. В одном из вариантов доклада предусматривался и мелкий поземельный кредит, облегчавший крестьянам приобретение земли. Все названные меры в 1860—1870-е гг. активно обсуждались в либерально-демократической печати, не являясь изобретениями диктатора. Лорис-Меликов не решился изложить их царю в едином комплексе одновременно. Тщательно подготавливая Александра II к мысли о необходимости намеченных преобразований, боясь отпугнуть его обилием необходимых перемен, он продуманно дозирует свои предложения, рассредоточивая их по разным документам, подчеркивая их постепенность и заявляя, что «опыты в крупных реформах не должны быть допускаемы».³³

Совсем иначе поступает Достоевский, решив предложить свое понимание действий для выхода из кризисного состояния. Он признается: «Никогда-то я не умел писать постепенно, подходить подходами и выставлять идею лишь тогда, когда уже успею ее всю разжевать предварительно и доказать по возможности. Терпения не хватало, характер препятствовал, чем я, конечно, вредил себе, потому что иной окончательный вывод, высказанный прямо, без подготовлений, без предварительных доказательств, способен иногда просто удивить и смутить...» (27, 12).

Писатель отдает должное как осуществленным при Лорис-Меликове преобразованиям, так и готовящимся, обсуждающимся в текущей прессе. Он говорит о произошедшей отмене налога на соль, тяжестью лежавшего на трудовых низах, называя эту меру «капитальной реформой». Приветствует подготовку «ожидаемой великой реформы податной системы». «Ожидаются и еще реформы, и чрезвычайно капитальные», — замечает Достоевский, давая понять, что признает их нужность (27, 13). Обнаруживая знакомство с ближайшими планами диктатора, он упоминает в «Дневнике» 1881 г. как стоящую на очереди дня земскую реформу. Действительно, Лорис-Меликов убеждал Александра II, что земство может стать важной

³³ Там же. С. 438.

опорой власти, доказывал необходимость поддержки местного самоуправления и облегчения условий для его деятелей.³⁴

Однако все принятые и готовившиеся меры Достоевский характеризует как паллиативные, «нечто внешнее и не с самого корня начатое». Здесь же он делает «прямо без подготовлений» вывод, способный «удивить и смутить». Писатель предлагает «начать с оздоровления корней» — обратиться к народу, главному корню русской жизни, от состояния которого зависит в ней все — от финансов до спокойствия в умах.

«С самого освобождения от крепостной зависимости явилась в народе потребность и жажда чего-то нового, уже не прежнего, жажда правды, но уже полной правды, полного гражданского воскресения своего в новую жизнь после великого освобождения его» (27, 16). Однако в наступившем порядке, утверждает Достоевский, этой правды народ не нашел, отсюда, по его словам, и пьянство, и беспокойство в народе.

Слово «правда» писатель употребляет в разных, традиционных для того времени значениях: правда — истина и правда — справедливость. С одной стороны, он говорит о поисках народом правды, о его жажде правды, с другой — о том, что, если спросить народ о его нуждах, он скажет правду. Развитие в «Дневнике» мысли о народе, ищущем правду, приводит к выводу, что речь идет о поисках социальной справедливости, так и не установившейся после реформы. В этом же смысле говорится и о молодежи, которая тоже «страдает „исканием правды“, тоской по ней» (27, 24).

В пояснение того нравственного беспокойства, которое живет в народе, «жаждущем правды», Достоевский ссылается на слухи о переделе земли, повсеместно распространившиеся. Опровержение этих слухов (в циркуляре министра внутренних дел Л. С. Макова в июне 1879 г.), по мнению писателя, лишь укрепило в народе уверенность в предстоящем земельном переделе. Он подтверждает это собственными наблюдениями, рассказывая о несостоявшейся сделке мужиков с соседним помещиком. Покупавшие у него землю отступились от сделки: «И без денег возьмем» (27, 17). По словам Достоевского, «искание правды и беспокойство по ней» в народе столь велики, что «если нигилистическая пропаганда не нашла до сих пор путей „в народ“, то единственно по неумению, глупости и неподготовленности пропагаторов...» (27, 17).

В свое время Х. Д. Алчевская писала Достоевскому о протесте в харьковском обществе, вызванном утверждением в «Дневнике писателя» 1876 г., «что демос наш доволен, а со временем ему будет

³⁴ Там же. С. 436. Записка гр. М. Т. Лорис-Меликова министру внутренних дел Л. С. Макову (май 1880 г.) (Там же. С. 442—444).

еще лучше».³⁵ Последний «Дневник» свидетельствует, как далеко он ушел от этой благодушной оценки, уже в середине 1870-х гг. вступавшей в противоречие со многими его размышлениями и наблюдениями.

Сходное восприятие крестьянских настроений с запечатленными в «Дневнике» 1881 г. обнаружил Лорис-Меликов еще на посту харьковского генерал-губернатора. Характерно его заключение в докладе царю, что «крестьянская среда» представляет собой «весьма удобную почву для преступной агитации». Сообщая царю о распространявшихся в губернии слухах о переделе и своем распоряжении предавать их распространителей военному суду, диктатор признавался, что «не в состоянии судить» о принесенной этой мерой пользе.³⁶

Однако, достаточно близко соприкоснувшись с крестьянским миром, Лорис-Меликов в своей программе не отразил его чаяний и стремлений, обойдя земельную проблему. Выдвинув ряд мер, способных несколько ослабить социальное напряжение в деревне, вопроса о крестьянском малоземелье он предпочел не касаться. Либеральный реформатор как бы молчаливо соглашался с ортодоксальными консерваторами, отрицавшими недостаточность надела для прокормления средней крестьянской семьи. Но и предусмотренные им меры для облегчения тяжелого положения деревни, названные Достоевским паллиативными, не осознавались графом как первоочередные и безотлагательные.

В своем последнем «Дневнике», оказавшемся его завещанием, писатель сосредоточен на положении крестьянства как главной и первоочередной по важности проблеме, требующей разрешения. Он доказывает, не боясь повторов, что без «оздоровления корней» не может быть ничего здорового и спокойного в жизни страны. Говорит о необходимости обеспечить народу правду в будущем, «так, чтобы он вполне уверовал, что придет она непременно», «чтоб дух народа успокоился в правде и видя правду» (27, 20).

* * *

Достоевский не сомневается, что истину о народной жизни и ее потребностях можно узнать только от самого народа, а не от всякого рода посредников между ним и властью. Он вряд ли верил в действенность учрежденной Лорис-Меликовым в сентябре 1880 г. сенаторской ревизии по ряду земледельческих губерний с целью

³⁵ Алчевская Х. Д. Передуманное и пережитое. М., 1912. С. 81.

³⁶ Всеподданнейший отчет гр. М. Т. Лорис-Меликова по временному Харьковскому генерал-губернаторству (*Итенберг Б. С., Твардовская В. А.* Граф М. Т. Лорис-Меликов... С. 394—395).

собрать сведения о «причинах упадка народного благосостояния и нравственности» и наметить меры к их устранению. В инструкции для ревизующих вопросы о крестьянском землевладении, его соотношении с помещичьим не были предусмотрены, как и не планировался хотя бы выборочный опрос крестьян об их нуждах. Предписывалось знакомство с крестьянским самоуправлением и местными по крестьянским делам учреждениями.³⁷ Как бы ответом на широкое оповещение о сенаторской ревизии в печати звучит напоминание в «Дневнике» о подобных мерах как нерезультативных: «...назначались ревизии, устраивались комиссии для исследования благосостояния русского мужика... Комиссии выделяли из себя подкомиссии на собрание статистических сведений, и дело шло, как по маслу, то есть самым лучшим административным путем, какой только может быть» (27, 13).

Лорис-Меликов с его опытом и свойственной ему практичностью также весьма скептически воспринимал такого рода мероприятия. По его признанию, «бесчисленный ряд комиссий, бесконечные бесплодные переписки раздражали общественное мнение и не удовлетворяли никого. Все тонуло в канцеляриях, и застой этот отражался на деятельности вновь созданных учреждений».³⁸ Однако иного пути для подготовки преобразований, кроме канцелярского, административного, он не видел. «Слуга царю, отец солдатам», граф сочувственно относился к положению крестьянства, стараясь по мере возможности его облегчить. При этом он и помыслить не мог об участии в решении проблем деревни самих мужиков. Крестьянство, при всем к нему сочувствии, оставалось для него той самой «косной и темной массой», которую, по словам Достоевского, видел в народе Петербург — средоточие власти в империи.

Главный план Лорис-Меликова, изложенный в докладе царю в день смерти Достоевского, состоял в привлечении к государственному управлению представителей общества. «Призвание общества к участию в разработке необходимых для настоящего времени мероприятий есть именно то средство, какое и полезно, и необходимо для дальнейшей борьбы с крамолой», — доказывал диктатор царю. Отвергая западные образцы народного представительства, граф предлагал созыв временных подготовительных комиссий по образцу редакционных комиссий периода подготовки реформы 1861 г. Состав их из представителей центральных правительственных ведомств и приглашенных сведущих и благонадежных лиц должен был определять царь. Для рассмотрения разработанных законопроектов предполагалось создать общую комиссию, куда кроме членов

³⁷ Русский архив. 1912. Кн. 11. С. 417—429.

³⁸ Всеподданнейший доклад гр. М. Т. Лорис-Меликова от 11 апреля 1880 г. (Итенберг Б. С., Твардовская В. А. Граф М. Т. Лорис-Меликов... С. 435).

подготовительных комиссий включались бы выборные от земства и городов (по два от губернии и города).³⁹

Слухи о готовящемся привлечении к управлению общественных представителей уже проникли в печать. К тому же Лорис-Меликов предпринял своего рода попытку апробации идеи общественного представительства с помощью профессора государственного права А. Д. Градовского, консультациями которого пользовался.⁴⁰ Но в эффективность представительства, не опирающегося на народ, Достоевский не верил, полагая, что получится очередная говорильня. По его наблюдению, говорунов расплодилось теперь множество: «точно в самом деле готовятся» (27, 8).

Граф Лорис-Меликов убеждал царя, что для власти очень важно будет «пользоваться опытом местных деятелей, ближе стоящих к народной жизни, нежели чиновники центральных учреждений».⁴¹ Достоевский предлагал услышать о народной жизни от самого народа. Он убеждал, что правду (истину), которую скажет мужик «о своих собственных, первоначальных делах, лишь до него относящихся», надо узнать «в виде, так сказать, почина и предисловия ко всякой дальнейшей, хотя бы даже и гораздо обширнейшей реформе» (27, 36). Такой взгляд с неизбежностью вытекал из понимания крестьянства как ведущего сословия в стране: «Кто обрабатывает землю, тот и ведет всё за собой» и потому именно «земледельцы и суть государства, ядро его, его сердцевина» (27, 10). Выступая сторонником преобразований, он по-своему, иначе, чем в верхах, отвечал на вопросы «что делать?» и «с чего начать?».

«Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду», — предлагает писатель. Пусть народ скажет сам «о нуждах своих и полную об них правду», — повторяет он (27, 24). И сделать это можно, по его мнению, прямым опросом на местах, по уездам и хижинам, без «великих подъёмов и сборов» (27, 21).

Предложение Достоевского являлось прямой альтернативой программе Лорис-Меликова, учитывающей чаяния либерального общества, но оставившей в тени крестьянский вопрос. Эта альтернатива образно представлена в противопоставлении в «Дневнике» «белых хилетов» «серым зипунам». Все содержание последнего произведе-

³⁹ Всеподданнейший доклад министра внутренних дел гр. М. Т. Лорис-Меликова от 28 января 1881 г. (Там же. С. 542—548).

⁴⁰ Вполне возможно, что Достоевский обратил внимание на статью своего недавнего оппонента А. Д. Градовского, где тот предлагал увеличить состав Государственного Совета введением временных членов, «призываемых государем особо на известный срок», расширив тем самым связи Совета с «нуждами российской провинции» (*Градовский А. Д.* Государственный Совет // Голос. 1880. 16 сент.).

⁴¹ Там же. С. 548.

дения писателя проникнуто убежденностью, что, только «начав с армяка и лаптя», можно оздоровить обстановку в стране, добиться успокоения. Достоевский предостерегал, со всей возможной для подцензурной печати открытостью, что нерешенный крестьянский вопрос грозит «грядущими недоразумениями». В подготовительных записях к «Дневнику» он откровенно признавал, что существующее положение деревни «доведет до отчаяния, до бунта» (27, 48). Это и заставляло его настаивать на переходе от паллиативных мер к коренным.

Мудрость мыслителя, признавшего народ «главным корнем» жизни, а крестьянский вопрос — самым насущным и самым грозным, причудливо сочетается в «Дневнике» с наивной верой в царя, сродни той, что до поры была свойственна и «серым зипунам», интересы которых отстаивал писатель. Но в утверждении о единстве царя с народом, о царе-отце проявилась не только наивность художника. В мифе о царе-отце, способном защитить своих детей — подданных империи, слышится призыв к самодержцу быть таким, каким его хочет видеть народ.

Лорис-Меликов иллюзий насчет Александра II не питал, но делал все, чтобы упрочить влияние на императора, связывая с этим упрочением свои реформаторские возможности. Стремившийся откликнуться на назревшие потребности страны, дать простор общественной деятельности, диктатор выбрал путь постепенных улучшений в разных областях жизни, так и не сделав аграрный вопрос приоритетным в своей политике. На его программе преобразований сказались и стереотипы политического мышления, и страх потерять доверие царя, и постоянная оглядка на сильную и влиятельную в верхах группировку «охранителей».

С надеждой и доверием встретивший вступление Лорис-Меликова во власть, Достоевский, спустя почти год его правления, задавался вопросом, в котором уже слышалось разочарование: «...пресеклись ли убийства и преступления? Лорис-Меликов уничтожил ли злую волю?» (27, 51). Ответом было 1 марта 1881 г., до которого писатель не дожил.

Преобразования, предложенные диктатором в докладе 28 января 1881 г., как и план «оздоровления корней», высказанный почти одновременно («Дневник писателя» вышел 31 января 1881 г.), остались нереализованными. Александр III признал проект Лорис-Меликова «преступным», а призыв выслушать правду тех, у кого «мозольные руки», власть предпочла не заметить: как будто его и не было.

В дневнике А. Т. Твардовского есть запись о соотношении искусства и политики, которую будет уместно здесь привести: «Искусство могущественнее всякой политики. Ему дано угадывать ту правду жизни, которая гораздо менее уловима для политики, берущей все по необходимости и в слишком общих чертах, и в слишком частных,

по подсказке сегодняшнего дня. — Политику то и дело приходится изменять, и без лжи или умалчивания относительно многих сторон жизни она просто не может существовать».⁴²

Думается, это размышление во многом может быть подтверждено сопоставлением Достоевского и Лорис-Меликова в их подходе к проблемам русской жизни. Как ни парадоксально, консерватор Достоевский во многом оказался радикальнее, демократичнее и прозорливее либерального реформатора.

⁴² *Твардовский А. Т.* Рабочие тетради 60-х годов // *Знамя.* 2000. № 7. С. 126. Запись 21 августа 1962 г.